

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-1-110-119>

Научная статья / Research Article

Христианская эсхатология и социальные утопии: к 100-летию со дня рождения протопресвитера Александра Шмемана

А.А. Лагунов✉, И.С. Бакланов, С.Ю. Иванова

Северо-Кавказский федеральный университет,
Российская Федерация, 355000, Ставрополь, ул. Пушкина, 1,
✉emailag@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обуславливается тем, что в современном мире не теряют своей идеологической силы различные утопические концепции, вот уже более двух столетий существенно воздействующие на общественное сознание и вызывающие значительные трансформации социокультурной жизни человечества. Связь между социальными утопиями и христианской эсхатологией подмечена достаточно давно, и мысли, высказанные по этому поводу протопресвитером Александром Шмеманом в статьях и дневниковых записях, могут содействовать лучшему осмыслению глубинных когнитивных процессов, во многом определяющих современные общественные реалии. Целью проведенного исследования являлось опирающееся на анализ трудов этого достойного представителя философии русского зарубежья сопоставление традиционно-религиозного эсхатологического «прообраза» и позднейших взглядов на «конец истории», способствующих развитию утопизма и идеологизма в общественном сознании. Акцентируется внимание на антиномичном характере христианской эсхатологии, в отличие от разнообразных социально-утопических модификаций определяющей социальные идеалы в области, трансцендентной для повседневной деятельности человека. Устремленность религиозного мышления к «неотмирному» идеалу, как полагал протопресвитер Александр Шмеман, позволяла сформировать специфическое отношение христианина к земному бытию, с необходимостью требующему качественного преобразования, соответствующего представлениям о предельной цели; однако со временем христианская вера уделяла все меньшее внимание эсхатологическому измерению человеческой жизни, что способствовало формированию новых эсхатологий, ищущих свои социальные идеалы в непосредственной данности земной жизни и утверждающих веру в возможность их эмпирического достижения. Авторы статьи приходят к выводу о том, что важнейшим фактором становления и развития в общественном сознании «идеологической веры», понятие о которой в самых общих чертах определяется в работах протопресвитера Александра Шмемана, явилась оторванность господствующих в нем идеологических построений, опирающихся на социально-утопические представления, от традиционных вероисповедных оснований: тем самым идеологии перестали быть функциональными сторонами конкретно-исторических религий, потеряли свой служебный характер и сами сделались фундаментом для псевдорелигиозного творчества.

© Лагунов А.А., Бакланов И.С., Иванова С.Ю., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: протопресвитер Александр Шмеман, русская эмиграция, христианская эсхатология, социальные утопии, идеологизм, социальный идеал, постхристианский мир

Вклад авторов: *Лагунов А.А.* — концепция и дизайн исследования; сбор, обработка и анализ материалов; написание текста; *Бакланов И.С.* — анализ материалов; написание и корректировка текста; *Иванова С.Ю.* — научная и стилистическая правка; написание и оформление текста в соответствии с требованиями журнала.

История статьи:

Статья поступила 23.10.2021

Статья принята к публикации 07.12.2021

Для цитирования: *Лагунов А.А., Бакланов И.С., Иванова С.Ю.* Христианская эсхатология и социальные утопии: к 100-летию со дня рождения протопресвитера Александра Шмемана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 1. С. 110—119. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-1-110-119>

Christian Eschatology and Social Utopias: To the 100th Anniversary of the Birth of Protopresbyter Alexander Schmemann

A.A. Lagunov✉, I.S. Baklanov, S.Yu. Ivanova

North Caucasus Federal University,
1 Pushkin St., Stavropol, 355000, Russian Federation,
✉emailag@mail.ru

Abstract. The relevance of the article is due to the fact that in the modern world, various utopian concepts do not lose their ideological strength, which for more than two centuries have significantly influenced public consciousness and have caused significant transformations in the socio-cultural life of mankind. The connection among social utopias and Christian eschatology has been noticed for a long time, and the thoughts expressed on this occasion by Protopresbyter Alexander Schmemann in articles and diary entries can contribute to a better understanding of deep cognitive processes that largely determine modern social realities. The purpose of the study was based on the analysis of the works of this worthy representative of the philosophy of the Russian diaspora, comparing the traditional religious eschatological "prototype" and later views on the "end of history". These views contributed to the development of utopianism and ideologism in the public mind. The authors focus attention on the antinomical nature of Christian eschatology, in contrast to the various socio-utopian modifications that define social ideals in a field transcendental to everyday human activities. The striving of religious thinking towards the "non-worldly" ideal, as Protopresbyter Alexander Schmemann believed, made it possible to form a Christian's attitude to earthly life, which inevitably required a qualitative transformation corresponding to the notion of the ultimate goal. However, over time, the Christian faith paid less and less attention to the eschatological dimension of human life, which contributed to the formation of new eschatologies seeking their social ideals in the immediate givenness of earthly life and affirming the belief in the possibility of their empirical achievement. The authors of the article come to the conclusion that the most important factor in the formation and development of the "ideological faith" in the public consciousness, the

concept of which is defined in the most general terms in the works of Protopresbyter Alexander Schmemmann, was the isolation of the dominant ideological structures based on social utopian ideas, from traditional faith grounds. Thus, ideologies ceased to be functional aspects of concrete historical religions, lost their official character and themselves became the foundation for pseudo-religious creativity.

Keywords: Protopresbyter Alexander Schmemmann, Russian emigration, Christian eschatology, social utopias, ideologism, social ideal, post-Christian world

Authors' contributions: *Lagunov A.A.* — concept and design of the study; collection, processing and analysis of materials; text writing; *Baklanov I.S.* — analysis of materials; writing and editing the text; *Ivanova S.Yu.* — scientific and stylistic editing; writing and formatting the text in accordance with the requirements of the journal.

Article history:

The article was submitted on 23.10.2021

The article was accepted on 07.12.2021

For citation: Lagunov AA, Baklanov IS, Ivanova SYu. Christian Eschatology and Social Utopias: To the 100th Anniversary of the Birth of Protopresbyter Alexander Schmemmann. *RUDN Journal of Philosophy*. 2022;26(1):110—119. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-1-110-119>

13 сентября 2021 г. исполнилось 100 лет со дня рождения протопресвитера Александра Шмемана, одного из ярких представителей философии русского зарубежья. Родившись в семье эмигранта, мыслитель никогда не был в России, однако через всю жизнь пронес большую любовь к ней, воплощая в своем творчестве важнейшие идеи, вдохновлявшие русских людей, волею судеб оторванных от Отчизны. Нельзя сказать, что в начале 80-х гг. прошлого века, когда «железный занавес» стал терять свою прочность, у него не было возможностей посетить СССР, однако он их не осуществил. Как объяснял философ сам себе в дневниковой записи: «Может быть, потому мне и не хочется ехать в Россию туристом, что подсознательно боюсь потерять ту Россию, вся сладость которой и была в ее недостижимости...» [1]. В этих словах слышится отголосок духовной боли всех мыслящих представителей русской эмиграции: находясь за пределами своей Родины, они никогда не переставали думать о ней, стремились сделать для нее хоть что-нибудь полезное. Но невозможность действовать в своей стране, отсутствие живого общения с ее населением, недостаток информации «из первых рук» с годами сказывались все больше, и первоначально «недостижимая» в силу расстояний и политических обстоятельств, однако при этом остававшаяся вполне реальной, Россия постепенно превратилась в уже окончательно недостижимый идеал. Отчизна же тем временем стремительно изменялась, и внутренне, и внешне, преобразалась и сама эмиграция; о. Александр (Шмеман) понимал это, констатируя: «Эмиграция, всякая эмиграция — болезнь, ибо — состояние ненормальное», она осмысливается и преодолевается как болезнь только до тех пор, пока «претворяет себя в какое бы то ни было, но *служение*». Именно этим держалась «первая эмиграция», которой на Западе мало кто интересовался, денег ей

не платили и на службу к себе не пускали; со «второй волной» все стало меняться, в эпоху холодной войны русская эмиграция стала выполнять вполне конкретные заказы иноземных работодателей; с появлением же «третьей волны» произошла «радикальная метаморфоза» — ее представители эмигрировали уже не для того, чтобы служить России, «а для *себя*, для возможности делать то, чего “там” они делать не могли» [1].

Тем не менее, идеал служения России, сформированный первой волной эмиграции и концептуализированный в трудах достойнейших представителей философии русского зарубежья, не является только достоянием истории мысли. Как известно, социальные идеалы не могут полностью согласовываться с действительностью, что не мешает им быть ориентирами общественного развития, целеполагая деятельность человека, придавая ей смысл. Актуальность наследия философов русского зарубежья заключается в том, что в нем представлены мировоззренческие концепты, рассмотрение которых позволяет лучше понять современность, сформулированы альтернативные и, что важно, имеющие возможность хотя бы частично реализоваться идеалы. Творчество протопресвитера Александра Шмемана стало поздним, но при этом достаточно сильным «отголоском» большой мыслительной работы, проделанной русскими философами вдали от Родины. В этой работе эсхатологическая проблематика, инициированная в том числе катастрофическими революционными трансформациями, имеет существенное значение, поэтому неудивительно, что именно она стала центральной и для о. Александра: он анализировал ее преимущественно в аспекте христианского мировоззрения, что объяснимо родом его деятельности, и именно такой ракурс рассмотрения проблем интересен, на наш взгляд, в связи с тем, что «светская», философская эсхатология, многочисленные концепции о «конце истории», определяющие предельные цели развития человечества, в качестве своей идейной предпосылки имеют эсхатологию религиозную, точнее — христианскую. Как справедливо заметил когда-то В.В. Зеньковский: «...христианское человечество *дольше живет евангельскими благовестиями, но оно ищет их осуществления без Христа, без Его Церкви и ее таинств*» [2. С. 407]. Протопресвитер Александр Шмеман, по сути, имеет в виду то же самое, когда пишет о современных ему, да, видимо, и нам социальных реалиях: «Этот воистину *постхристианский мир*, ибо самые секуляристские, самые антирелигиозные и антихристианские идеи и идеологии, в той или иной мере волновавшие его, все эти “обезумевшие христианские истины” (выражение Г.К. Честертона — *прим. авт.*) — на самом деле плод секулиризованной эсхатологии». Христианская вера, давшая человечеству мечту о Царстве Божием, всецело определила и утопизм постхристианского сознания, обожествляющего историю и параноидально верящего в «грядущее царство свободы и справедливости» [3. С. 108].

Действительно, XVIII и XIX в. прошли под знаком французских социальных утопий и гегельянства, обосновавших собственные видения «конца истории», альтернативного христианскому; им на смену пришел марксизм,

во многом изменивший представления о предельной цели человечества и переориентировавший ход «прогрессивного развития» в веке XX-м, на закате которого оформилась новая, «фукуямовская» версия завершения исторического процесса; в XXI в., не особенно утруждаясь теоретическими обоснованиями, необходимость в которых постепенно исчезает с ростом возможностей коммуникативных и манипулятивных технологий, новые идеологи на фоне пандемийной неопределенности сразу объявили: мир уже изменился, — правда, его окончательный облик пока еще не совсем ясен, но ведь досадные частности никогда не мешали величю общей идеи. Стремление человечества к непремennomу завершению своей истории не ослабевало в течение более чем двух столетий, поэтому не лишен исследовательского интереса вопрос о том, как же соотносятся разнообразные эсхатологические «подделки» с «оригиналом», с догматически определенной христианской эсхатологией?

Протопресвитер Александр Шмеман был убежден не только в том, что христианство стало своеобразным «прообразом» для новых эсхатологий, но и в том, что оно в своем институциональном развитии способствовало их появлению; он фиксирует «парадокс истории христианства», заключающийся в том, что уменьшение эсхатологической интенции, изначально свойственной этой религии, привело к увеличению эсхатологических настроений в мире: «...мир восстал против христианства во имя земного “счастья” — и все его вдохновенье, вся его мечта — утопии, идеологии и т.п. — нужно ли доказывать это? — в сущности своей суть “земная эсхатология”» [1]. Иначе: постепенное исчезновение эсхатологического измерения в жизни христианских общин способствовало его развитию в светском обществе. Но ведь без эсхатологического измерения христианская вера, по мысли о. Александра, теряет свои существенные особенности, даже перестает быть собой. Для христианина эсхатология — не только заключительная глава богословия, причем глава очень странная, и не просто предсказание грядущих событий, пусть и достаточно смутное. Все переживание христианином своей жизни глубоко эсхатологично: «Самая суть христианской веры в том, что мы живем в определенном ритме: оставление, отвержение, отрицание мира, но при этом и постоянное возвращение в него; живем во времени, но тем, что за пределами времени; живем тем, что еще не пришло, но что мы уже знаем и чем обладаем» [3. С. 303].

Христианская эсхатология парадоксальным образом совмещает выражающиеся в символе креста антиномичные перспективы земного и небесного, настоящего и будущего, имманентного и трансцендентного, горизонтальной «данности» и вертикальной «заданности». Акцент на одной из сторон этих антиномий в пользу другой приводит или к «усеченному», утопическому, поверхностному и утилитарному восприятию действительности, лишенному духовных порывов, без которых проблематичным становится существование человеческой культуры, или к полному отказу от творческой жизнедеятельности в «дольнем» мире, отказу, сопровождающемуся искаженным пониманием

и мира «горнего». «Согласно Шмеману без наличия трансцендентных ценностей и идей полная или даже частичная их подмена “земными интересами” приводит к идеологизации сознания» [4. С. 8]. Вместе с тем, по справедливому замечанию В.Н. Белова, всякая философия (и христианская философия, заметим, не является, конечно, исключением) оправдывается «через ту современность, в которой она развивается», и какие бы «вечные вопросы» ни занимали ее, «все отвлеченные моменты философской мысли приобретают свою значимость лишь в исторической перспективе» [5. С. 27].

В современном мире, утверждает о. Александр, эсхатология «сведена к утопии, но утопия с христианской точки зрения есть не только ошибка, но и *ересь*, подлинная ересь нашего времени. Ересь тем, что ударение в ней перенесено с личности, с человека на “структуры” — общественные, идеологические и т.д.» [1]. Все утопические мировоззрения, действительно, невзирая на свое содержательное различие, солидаризируются в том, что за громадой социальных проектов совершенно теряют личность, отдавая ее во власть неумолимо разворачивающихся в историческом времени детерминистических процессов, признаваемых принципиально объективными. Однако, элиминируя из своих построений личностные аспекты, социальные утопии заодно теряют возможность рассуждать о проявлении человеческой свободы в историческом развитии, превращаясь в апологии бездушного рока, с железной необходимостью предопределяющего ход свершающихся событий. Тем самым они упускают из виду потенциал вполне конкретных субъектов социально-исторического процесса, активно-творческих личностей, которых в теории хотят облагодетельствовать; при этом создатели утопий плохо замечают, что лишаются, пожалуй, самого эффективного, если не единственного, средства для реализации своих идеалов. Здесь уместно вспомнить о мысли Ф.М. Достоевского, согласно которой если даже и можно предположить возможность осуществления идеала, то никак не с «*недоделанными людьми*» [6. С. 276]. Присущие им пороки не могут в одночасье исчезнуть вследствие изменения социальной среды, человек не может «переродиться» только по причине его экономического и политического освобождения, как то думали многочисленные создатели социальных утопий, он «может измениться, но не от внешних, а только от внутренних причин» [7. С. 31] (если же точнее, следует вести речь о взаимообусловленности этих причин). К тому же, представимо ли само освобождение человека, если он принципиально лишен свободы и является априорно зависимым от всего окружающего существом?

Для христианской эсхатологии, в отличие от эсхатологий утопических, необычайно важной является проблема свободного самоопределения человека, поэтому так хорошо разработана в ней тема, связанная с интерпретацией греческого термина «μετάνοια» («перемена ума», «переосмысление»), неточно переводимого на русский язык как «покаяние». Протопресвитер Александр Шмеман отмечал: «В каждом человеке спасается или гибнет весь мир, и потому к каждому человеку направлена и обращена Церковь и ради одного,

бесценного и купленного “дорогой ценой”, призвана все время оставлять девяносто девять» [3. С. 791]. Его несомненной заслугой стало введение в христианскую мысль понятия литургического богословия «в значении богословского понимания опыта богослужения, и прежде всего Божественной литургии» [8. С. 73]. Он писал, что в раннем христианстве «eschaton — не мир, но трансцендентное Царство Божие» [3. С. 66], шествием (или странствием) к которому и является вся служба Евхаристии. Первые христиане отчетливо осознавали, что восхождение Церкви в «вождевленное отечество» есть основное условие осуществления их миссии в этом мире: «Ибо только там, на небе, они погружались в иную жизнь нового творения, и когда после этого восхождения они возвращались в мир, на их лицах отражался свет, радость и мир Царства, и они поистине становились его свидетелями. Не “программы” и не “теории” несли они миру» [9. С. 190].

Совсем иной подход мы встречаем в утопических мировоззрениях, характеризуя которые Г.В. Флоровский отмечал «решающее значение» для них формальной веры «в эмпирическую достижимость “совершенства” в социальном строительстве», веры, основанной на неправомерном допущении, в соответствии с которым возможно совпадение во временном мире «должного» и «действительного», совпадение, подразумевающее полное устранение их противоположности: «Иными словами, это — утверждение возможности “идеала” как части эмпирической действительности, как объективно данной среды, как состояния и явления естественного, исторического мира» [10. С. 203]. Соглашаясь с ним, о. Александр (Шмеман) называл процесс идеологизации сознания современного человека, подменяющего трансцендентные идеи и ценности имманентными, непосредственно данными, идеологизмом, под которым имел в виду «сам факт плененности и одержимости сознания идеологией», сочетающей отвлеченную и утопическую схему истолкования истории «с абсолютной верой в ее практическую “спасительность” и с фанатическим волевым подчинением ей действительности» [3. С. 805]. Такая «плененность» сознания порождает тип человека, «слепого к действительности, хотя как будто только к ней, ради ее радикального изменения, и обращенного всей своей волей, всей целостностью своей идеологической веры...» [3. С. 807].

Использованное протопресвитером Александром Шмеманом понятие «идеологической веры», как представляется, включает в себе широкие возможности для осмысления кардинального различия между традиционно-религиозными и социально-утопическими эсхатологиями. Согласимся, что сам по себе термин «идеология» ни хорош, ни плох, все здесь зависит от того содержания, которое мы в него вкладываем. Идеологии необходимы как совокупности общезначимых представлений о целях социальной жизнедеятельности, о ценностях, необходимых для их реализации, о смыслах существования конкретно-исторических общностей. При соблюдении преемственности социального развития идеология прямо зависит от укоренившейся в

общественном сознании вероопределенности, закрепляющейся посредством религиозных институтов. Такая идеология представляет собой функциональную сторону сложившейся религиозной системы, господствующей в обществе в тот или иной период времени, она позволяет обустроить его в соответствии с принимаемыми большинством социальными идеалами, которые, и это существенно, находятся в прямой зависимости от вероисповедных установок, а значит, могут быть в случае возможных искажений корректируемы опирающейся на прочное догматическое основание традиционной религией. В случае же, когда вера (социальная вероопределенность) подменяется идеологией, «пленяющей» общественное сознание, возникает «идеологическая вера», и религиозная компонента уже не является мировоззренческим фундаментом, а надстраивается над идеологическими построениями. Здесь, по всей видимости, мы имеем дело не с «органической» идеологией, а с идеологией тоталитарной, не только исключаяющей возможности корректировки со стороны исторически сложившихся традиционных вероисповеданий, а входящей с ними в прямую и непримиримую конфронтацию. Знаменательно, что в основе всякой тоталитарной идеологии лежит та или иная социальная утопия, требующая фанатичной веры в свое осуществление, в достижение определенной этой утопией предельной цели общественного развития. Социальная утопия всегда эсхатологична, но, в отличие от христианской эсхатологии, намечает сугубо земные цели и опирается только на мощь абсолютизируемого человеческого разума.

«Оригинал» и его эсхатологические «подделки» смешались в постхристианском мире. Несмотря на то, что о «религиозном возрождении», о «возвращении Бога» («le retour de Dieu») пишут везде все больше и больше, с грустью отмечал протопресвитер Александр Шмеман, причин для того, чтобы сильно радоваться этому, он не находит, поскольку: «“Retour”, который я вижу, это какая-то эмоциональная волна, псевдомистика, фанатизм, в пределе — ненависть. Ненависть к миру, ненависть к тем, кто думает иначе, сектантство, псевдостарчество, кликуши... А вне христианства — бегство в буддизм и тоже в какую-то тусклую мистику». Важнейшим фактором несомненного повышения интереса к традиционным религиям, по мнению мыслителя, является «крах рационализма во всех его видах, крах того дурацкого оптимизма и утопий, к которым он привел. И вот — “бегут в горы”... Бегут к любому credo, quia absurdum, к любому типикону или талмуду, к любой “духовности”. И характерно — чем образованней человек, чем больше он вкусил “позитивизма” и “рационализма”, тем более “глупую” религиозность он выбирает» [1].

Более двух веков господства социального утопизма в общественном сознании и политико-экономической жизни оставили свой неизгладимый след на религиозном восприятии мира современным человечеством, акцент на «здравом смысле» обусловил его всецело утилитарное отношение к действительности. Однако, по мысли о. Александра (Шмемана), альтернативы

возвращению к христианской эсхатологии не существует, хотя он и относится к этой альтернативе довольно скептически. Подытоживая итоги всей своей творческой деятельности, о. Александр доверяет дневнику следующие строки: «Мой вечный вывод: если не вернуться богословие, церковность, духовность и т.д. — к подлинному христианскому эсхатологизму (а признаков возвращения к этому я не вижу *нигде*), то суждено нам не только оставаться *гетто*, но и претворять себя, Церковь и все ими заключаемое в духовное гетто... Начинается же — и это мой второй вечный вывод — возвращение это с подлинного разумения Евхаристии — таинства Церкви, таинства новой твари, таинства Царства Божьего. Здесь альфа и омега христианства» [1].

В этом признании, несмотря на наличие обнадеживающего «если...», весь контекст имеет ярко выраженный пессимистический характер, что, отметим, вполне соответствует христианской эсхатологической перспективе. Однако пессимистические настроения христианскому мировосприятию в целом не свойственны, ему больше подходит тема радости, о чем, впрочем, достаточно часто забывается. Чувство радости у христианина мотивируется как тем, что мрачные предзнаменования сбываются, а значит, вскоре будут увенчаны столь ожидаемым преображением мира и человека, так и тем, что благодатность мироздания никогда и никуда не исчезала, невзирая на все видимые его изъяны, и человек может и должен принимать посильное участие в его не «завтрашнем» (это будет делать уже не он), а сегодняшнем преображении. Поспешные умозаключения по поводу надвигающегося «конца истории», как мы видели, свойственны социально-утопическому дискурсу, в христианской же эсхатологии вычислять сроки не рекомендовано, хотя, как об этом не уставал говорить и писать о. Александр Шмеман, и забывать о них тоже не стоит.

Список литературы

- [1] Шмеман А., прот. Дневники 1973—1983. URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/164086-2-aleksandr-shmeman-dnevnik.html#book> (дата обращения: 01.10.2021).
- [2] Зеньковский В.В. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М. : Русский путь, 2008.
- [3] Шмеман А., прот. Собрание статей, 1947—1983. М.: Русский путь, 2011.
- [4] Нижников С.А. Спор об идеологии и вере (А. Солженицын, А. Шмеман, К. Марион и др.) // Философское образование. 2013. № 2 (28). С. 20—33.
- [5] Белов В.Н. Философия имеет свое оправдание через ту современность, в которой она развивается // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2008. Т. 9. № 2. С. 25—27.
- [6] Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.
- [7] Лагунов А.А., Смирнов А.Ю. Достоевский о причинах «замечательной нелюбви» Европы к России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 1. С. 25—33.
- [8] Печатнов В.В. Протопресвитер Александр Шмеман об общем и личном в Божественной литургии // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 2. С. 72—78.
- [9] Шмеман А., прот. Вера и Церковь. Сборник. М. : Книжный клуб Книговек, 2012.
- [10] Флоровский Г.В. Христианство и цивилизация. Избранные труды по богословию и философии. СПб. : РХГА, 2005.

References

- [1] Shmeman A, prot. *Dnevniky 1973—1983*. URL: <https://libking.ru/books/sci/sci-history/164086-2-aleksandr-shmeman-dnevniky.html#book> (date of the application 01.10.2021). (In Russian).
- [2] Zen'kovskii VV. *Sobranie sochinenii*. v 2 t. T. 2. Moscow: Russkii put'; 2008. (In Russian).
- [3] Shmeman A, prot. *Sobranie statei, 1947—1983*. Moscow: Russkii put'; 2011. 896 p. (In Russian).
- [4] Nizhnikov SA. Spor ob ideologii i vere (A. Solzhenitsyn, A. Shmeman, K. Marion i dr.) // *Filosofskoe obrazovanie*. 2013; 2(28):20—33. (In Russian).
- [5] Belov VN. Filosofiya imeet svoe opravdanie cherez tu sovremennost', v kotoroi ona razvivaetsya // *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. 2008; (2):25—27. (In Russian).
- [6] Dostoevskii FM. *Dnevnik pisatelya*. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus; 2015. (In Russian).
- [7] Lagunov AA, Smirnov AYU. Dostoevskii o prichinakh «zamechatel'noi nelyubvi» Evropy k Rossii // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*. 2021; (1):25—33. (In Russian).
- [8] Pechatnov VV. Protopresviter Aleksandr Shmeman ob obshchem i lichnom v Bozhestvennoi liturgii // *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*. 2017; (2):72—78. (In Russian).
- [9] Shmeman A., prot. *Vera i Tserkov'*. *Sbornik*. Moscow: Knizhnyi klub Knigovek; 2012. (In Russian).
- [10] Florovskii GV. *Khristianstvo i tsivilizatsiya. Izbrannye trudy po bogosloviyu i filosofii*. St. Petersburg: RKhGA; 2005. (In Russian).

Сведения об авторах:

Лагунов Алексей Александрович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (e-mail: emaillag@mail.ru).

Бакланов Игорь Спартакoвич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (e-mail: baklanov72@mail.ru).

Иванова Светлана Юрьевна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия (e-mail: isu-socf@yandex.ru).

About the authors:

Lagunov Aleksey A. — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Social Philosophy and Ethnology, Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia (e-mail: emaillag@mail.ru).

Baklanov Igor S. — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia (e-mail: baklanov72@mail.ru).

Ivanova Svetlana Yu. — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and Ethnology, North Caucasian Federal University, Stavropol, Russia (e-mail: isu-socf@yandex.ru).